А. М. Зеленокоренный

О НЕКОТОРЫХ КОНЪЕКТУРАХ В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Несть числа конъектурам (исправлениям), внесенным вносящимся исследователями в первопечатный текст «Слова о полку Игореве» за 200 лет его изучения. Если принять все предлагаемые конъектуры, то мы будем иметь совершенно иной текст, отличающийся от первопечатного до неузнаваемости. И так некоторые из принятых конъектур изменяют содержание отдельных отрывков «Слова» (напр., замена «Ярослава» «ярославыми внуками» и др.).

С горечью пишет об этом исследователь В. П. Буйначев. Он отмечает, что после опубликования «Слово о полке Игореве» А. И. Мусиным-Пушкиным в 1800 г. «начались усовершенствования», «приведения в надлежащий вид». Появились исправления, добавления, реконструкции, перестановки. «Весь девятнадцатый век прошел под знаком "улучшения" выдающегося произведения...» «На все, что не поддавалось прочтению и осмыслению, времени не тратили – переделывали и с концом». «В двадцатом веке вмешательства не просто не прекратились, но даже усилились и активизировались, доходя порой чуть ли не до претензий на соавторство»[1].

Даже некоторые известные ученые, на словах выступающие против вмешательства в первопечатный текст «Слова», на практике не останавливаются перед внесением в него исправлений, искажающих порой смысл, заложенный автором.

Не так давно О. В. Творогов, объясняя примененный им принцип издания первопечатного текста, писал: «...положив в основу текст первого издания "Слова", мы устраняем не-

которые явные опечатки, иначе, чем в издании 1800 г., делим текст на слова, а также исправляем ошибки рукописи и восстанавливаем написания неверно прочтенные издателями[2]» (разрядка наша. – *А. З.*). Это вместо того чтобы оговорить свою точку зрения в примечаниях. А таким путем, который изложен О. В. Твороговым, открывается широкое поле для субъективного вмешательства в первопечатный текст. Следует, однако, напомнить, что многие из ранее внесенных конъектур аргументировано опровергаются или вызывают неприятие со стороны исследователей.

О. В. Творогов опирается, очевидно, на положение Д. С. Лихачева о том, что «поправки могут вноситься только в крайних случаях» Но на практике оказывается, что таких «крайних случаев» набирается очень много, да и кто вправе устанавливать этот «крайний случай». Правда, тут же Д. С. Лихачев в противовес сказанному корректирует себя, утверждает, что «текст не должен размываться произвольными поправками и перестановками» и что «изменять текст “Слова”, как и всякий художественный текст, нельзя на том основании, что предлагаемое изменение лучше всех предлагавшихся учеными ранее».

Как бы в ответ на это А. Л. Никитин в «Открытом письме» к Д. С. Лихачеву в 1985 г. отмечал: «...сами Вы, редактируя так называемый “канонический” текст “Слова” в 1-м выпуске “Словаря-справочника «Слова о полку Игореве»”, состоящий из 2779 лексем, внесли в него по сравнению с изданием 1800 года... 690 “исправлений”, по большей части никак не аргументированных, т. е. субъективных»[1].

На защиту неприкосновенности первопечатного текста «Слова» выступили виднейшие ученые-литературоведы и лингвисты.

Первым, пожалуй, сделал это еще в XIX в. акад. Ф. Е. Корш. «Текст Слова о полку Игоревѣ, – писал он, – вѣ томъ видѣ, как онъ извѣстенъ по найденнымъ спискамъ, представляетъ такой богатый материалъ для исправлений, дополнений и объяснений, что мы никогда бы не кончили, если бы вздумали пойти по этому скользкому и соблазнительному пути»

В 1927 г. по этому вопросу эмоционально высказывался русский поэт В. Ф. Ходасевич: «Сейчас же после того как “Слово

о полку Игореве" было найдено – начались его переделки. Многие чутьем поняли его художественные достоинства. Но, как ни странно, этого чутья не хватало на то, чтобы оставить "Слово" в его первоначальном виде. "Слово" стали пытаться "исправить" или "улучшить" И какое наивное сознание собственного "превосходства" над безымянным автором "Слова"»[6]

В советское время против вмешательства в текст «Слова» выступали И. П. Еремин, Л. А. Булаховский, В. В. Кусков и др.

Особый смысл их выступления приобрели после выхода «Слова о полке Игореве» в 1950 г. в серии «Литературные памятники», где в первопечатный текст, отредактированный Д. С. Лихачевым, были внесены новые конъектуры. Л. А. Булаховский, в частности, написал в 1952 г.: «Считаю, что во всем существенном для понимания текста воспроизведение рукописи в Мусин-Пушкинском издании вполне надежно» и что «тот текст, который дошел до нас в виде печатного издания А. И. Мусина-Пушкина, дает, при надлежащем его толковании, наиболее правдоподобные чтения»[7]

Выводом ко всему вышесказанному могут служить слова И. П. Еремина: «все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы понять этот текст в том виде, в каком он лежит перед нами»[8].

1. «Помняшеть об речь...» Одной из конъектур, внесенных в первопечатный текст «Слова» некоторыми исследователями еще в XIX в., является замена существительного «речь» (им. п., ед. ч., ж. р.) на глагол «рече» (аорист 3 л. ед. ч.) во фразе «Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобицѣ»[9]

Авторами конъектуры стали Ф. И. Буслаев и Н. М. Тихонравов, предположившие, что в утраченной рукописи «Слова» было написано «ре», а буква «ч» стояла под титлом и что первые издатели якобы не сумели правильно прочесть это слово[10]

Е. Б. Барсов согласился с этим предположением, добавив, что «речь» – это, конечно, глагол, однако в рукописи он был якобы написан как «рь» с буквой «ч» под титлом. «Это, – писал он, очевидный след господства в рукописи "Слова" особенности: замены гласнаго конечнаго звука глухим в глагольных формах, где не терпит того русский язык. В... Апостоле XVI века... встре-

чаем это слово в таком же точно начертании “рь(ч) же анг(е)л к нему” (л. 22 об.) и “рь(ч) паве(л) ко варнаве”» (л. 27)[11].

Уже в наше время эту точку зрения поддержали Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов, отметившие, что здесь «речь» – глагол, так как существительное писалось бы через «ѣ» – «рѣчь»[12].

Однако этот аргумент недостаточно убедителен. Случаи подобной мены «ѣ» на «е» встречаются в древнерусских памятниках письменности. Напр., Тип. Устав XI–XII вв. (второй почерк), Софийские минеи начала XII в. и др.

Есть они и в «Слове о полку Игореве»: землѣ и земле, «ратаевѣ», но «дятлове» и пр.

Исходя из этого Л. А. Булаховский возражал С. П. Обнорскому: «Случаев мены в нем ѣ:е настолько много, что замечание, будто в памятнике нет материала для предположения о звуковом совпадении в нем “е” и “ѣ” производит впечатление прямо расходящегося с приведенными самим же Обнорским фактами»[14].

Следует подчеркнуть, что в Екатерининской копии и в бумагах одного из редакторов первого издания «Слова» А. Ф. Малиновского слово «РѢЧЬ» написано через «ѣ». В. Н. Перетц предполагал, что этого «ѣ» в данном слове вообще не было в сгоревшей рукописи, а появилось под пером переписчика XVIII в., стремившегося «приспособить» текст памятника к современной ему орфографии[15]

Что же касается самого слова «речь», то, по мнению Л. А. Булаховского, это – не глагол, а частица. Призывая отнестись с доверием к первому изданию «Слова» и «принять это “речь” как факт языка, вероятно, уже XII в.», ученый писал: «“Речь” в данном контексте не аорист 3-го лица ед. ч., плохо подходящий к смыслу фразы, а скорее всего – частица, продукт деформации инфинитива “речи” “сказать бы” или, что менее вероятно, одной из форм изъявительного наклонения – аориста 2–3 лица ед. ч. и 3-го лица ед. ч. (без “ТЬ”) наст. времени. Параллель к “речь” из “речи” по-видимому представляет, например, “дескать (дѣс[ть]) сказати”»[16] В итоге, как считает ученый, «рече... видимо превратилось во вводное слово “говорят”: “помняшеть бо, рече, первыхъ временъ усобицѣ”. Примеры

древнерусского употребления рече в значении "как говорится" и под. см. у Срезневского III, стб. 119»[17]

Эту мысль о вводном слове подкрепляет В. П. Адрианова-Перетц: «Вводное рече нередко встречается в Изборнике Святослава 1076 г.: "Добро есть, братие, почетанье книжное... блажен бо, рече, испытаюштии съведения его (л. I–I об.)"»[18]

Такую же позицию занимает и В. В. Кусков, считающий, что рассматриваемая конъектура, внесенная в первопечатный текст, является «грамматически корректной»[19].

Если говорить о самой конъектуре, т. е. о замене «речь» на «рече», то Л. А. Булаховский выступал против нее. «Я сомневаюсь, – писал он, – в необходимости этой конъектуры и склоняюсь здесь к принятию первого издания. Переход "рече" в "речь" мне представляется вполне параллельным вѣдь и ведь, т. е. думаю, что перед нами, скорее всего, вместе с приобретением глагольной формой значения вводного слова приблизительно с тем же смыслом, что и "ведь" (усиление предшествующего "бо"), – налицо редукция конечного гласного – явление, кстати сказать, не представляющееся необычным[20]».

Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов не согласны с тем, что «речь» – это частица. Они настаивают на том, что это – глагол, и что если согласиться с мнением Л. А. Булаховского, то в «Слово» будет введен новый гапакс, так как употребление слова «речь» в значении частицы неизвестно[21].

Досталось и первым издателям. Л. А. Дмитриев и О. В. Творогов пишут: «В древних рукописях глагольная форма "рече" как правило, писалась сокращенно: "ре" в строке и буква "ч" над строкой. Издатели неверно раскрыли это традиционное написание, возможно, потому, что не поняли смысла фразы»[22].

Следует, однако, отметить, что когда автор «Слова» хочет поставить глагол «рече», то он это делает и первые издатели прекрасно его читают. Это подтверждается многими примерами:

> «И рече Игорь къ дружине своей»;
>
> «Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкаго»;
>
> «И рече ему Буй-Тур Всеволод»;
>
> «Великий Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече...» и др.

Всего 12 случаев употребления этой формы глагола в «Слове». Первые издатели все их прочли правильно, значит несправедливы упреки в их адрес, что они якобы «не поняли смысла фразы». Скорее всего, не поняли смысла фразы сами сторонники конъектуры. Можно почти не сомневаться, что в утраченной рукописи рассматриваемая фраза содержала существительное «речь», а не глагол «рече».

Такое мнение с полной определенностью высказали Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин. Они пишут: «Обычно предлагаемое и встречающееся во многих изданиях исправление речь на рече с рассмотрением полученной глагольной формы (аорист 3 л. ед. ч.) как вводного слова, по нашему мнению, избыточно» [23]. Уральский исследователь А. П. Комлев тоже полагает, что «вводное слово существенно рыхлит грамматическую конструкцию, добавляет сложности в осмыслении фразы» [24].

Любопытно, что сами первые издатели перевели слово «речь» глагольной формой, однако проявили добросовестность и в авторском тексте сохранили написание «речь», как это и было в рукописи.

Многие исследователи считают, что слово «речь» здесь — существительное.

Ф. М. Головенченко прямо пишет, что «замена "речь" глагольной формой ошибочна» [25].

Негативно отнеслись к рассматриваемой конъектуре Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин. Они не сомневаются в том, что слово «речь» в первопечатном тексте — существительное. «Обычно, — отмечают они, — "речь" исправляют на "рече" понимая данную глагольную форму как вводное слово. Но фраза может быть понята и без исправления: существительное "речь" выступает как прямое дополнение при глаголе "помняшеть" а "първыхъ врѣменъ усобицѣ" — несогласованное определение к нему (род. п. ед. ч.)» [26].

Их точка зрения представляется наиболее правильной.

Что касается перевода фразы на современный язык, то здесь исследователи разделились на две группы. Одни считают Бояна свидетелем первых времен усобиц, а другие полагают, что Боян пользовался лишь сказаниями о тех временах.

К первой группе относятся А. Н. Майков («Как вспомнит брани стародавни»), Г. Шторм («Памятуя, пел прежних времен усобицы»), Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов («Помнил он, говорят, первых времен усобицы»). К этой же группе относятся А. К. Югов, Андрей Чернов и др.

Л. А. Булаховский еще и потому возражал против замены «речь» на «рече», что в случае этой замены вроде бы сам Боян помнил усобицы первых времен.

Ко второй группе относятся как раз те исследователи, у которых Боян только вспоминает сказания, рассказы о первых временах усобиц, но сам не выступает в качестве свидетеля, напр.: Михаил Деларю («Вспомнив сказанья лет прежних о брани»), Н. А. Мещерский («Ведь помнил он рассказы о битвах дальних времен») и др.

Несколько особняком стоит объяснение этой фразы А. А. Косоруковым. В своем переводе «Слова» и в книге «Гений без имени» он, тоже считая «речь» существительным, переводит: «Тут и вспоминался нам язык войн новых времен». По мнению исследователя, здесь существительное «речь» употреблено в современном переносном значении слова «язык» (по типу «язык плаката» — В. В. Маяковский или «язык силы», «язык войны» и т. п.). «Поэт же говорит здесь, — считает А. А. Косоруков, — о языке войн "первых времен" то есть о характерной особенности этих войн, о том, как всегда успешно они велись, как тогда "разговаривали" с врагами русские князья»[27]

К сожалению, ученый не привел ни одного подкрепляющего примера из древнерусских источников. Представляется между тем, что вряд ли слово «речь» успело уже к XII в. приобрести такую степень отвлеченности. Непонятно, к тому же, как оценить объективно успешность войны, когда «брат встал на брата», т. е. междоусобиц, о которых как раз и идет речь в рассматриваемой фразе.

Встречаются и фантастические переводы. Так, напр., Виктор Кожевников, полагая, что слово «рѣчь» (написанное через «ѣ» как в Екатерининской копии и в бумагах А. Ф. Малиновского) означает «нечистую силу», переводит: «Помнил он беснование первых времен усобицы»[28] При этом он подкрепляет свой вывод ссылкой на фразу из Срезневского: «Помилуй мене, мучимо-

му 30 лет от "реча", хотя здесь слово "реча" написано через "е" а не через "ѣ"».

Есть и перевод, в котором Боян выставлен как какой-то хвастунишка. Напр., у С. К. Шервинского: «Притравит он, вспомнив завязку смуты».

Важно поэтому определить, что автор «Слова о полку Игореве» имел в виду под понятием «первые времена усобиц».

По мнению А. А. Косорукова, войнами «первых времен» являются те, «которые вели князь Ярослав Мудрый и др.»[29] А с точки зрения Н. И. Прокофьева, в данном контексте речь идет об усобицах «внуков Ярослава Мудрого между собой, полоцким князем Всеславом и его потомками»

Однако, если быть верным истории, отсчет первых времен усобиц следует начинать с сыновей Святослава Игоревича. Первым начал усобицу Ярополк, в результате которой был убит его брат Олег. Затем Владимир I Святославич убил самого Ярополка, став единоличным правителем в Киеве.

Продолжились распри и при сыновьях Владимира I: Святополк убил Бориса, Глеба и Святослава, а сам погиб, будучи изгнанным Ярославом за пределы государства. Только скоропостижная кончина Владимира I остановила начавшуюся было войну между ним и его сыном Ярославом. Затем Ярослав Мудрый долго боролся со своим братом Мстиславом, а другого брата Судислава «всади... в порубь» (Ипат. Лет. под 1036 г.), где тот просидел 24 года.

«Вокняжению Ярослава, – пишет А. А. Шайкин, – предшествовала борьба между братьями еще более жестокая и длительная, нежели та, в какой пришлось участвовать юному тогда отцу Ярослава – Владимиру

Отсюда вытекает, что Боян никак не мог быть свидетелем первых распрей, начавшихся, как показано выше, еще в X в. А все, что известно о Бояне, свидетельствует, что он жил и творил в XI – начале XII в.

Что касается самого глагола «помняшеть», то он, безусловно, относится к Бояну и неправильно переводить его безличной формой или 3-м л. мн. ч. наст. времени. В первом издании «Слова» 1800 г. переведено, например: «Понятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сраже-

нии...» «В действительности же, – как справедливо определяет Н. М. Дылевский, – здесь глагол "помняшеть" находится в имперфекте и относится к Бояну» Такого же мнения, очевидно, придерживался и А. С. Пушкин. В переводе В. А. Жуковским этой фразы: «Вам понятно, как пели о бранях первых времен», – А. С. Пушкин усмотрел неточность и в находившейся у него писарской копии этого перевода подчеркнул слово «вам», как бы выражая свое несогласие

Наконец, существительное «усобицѣ». Некоторые исследователи считают, что оно стоит в винительном надеже на «ѣ» (С. П. Обнорский, В. П. Адрианова-Перетц)[34]. И это правильно для приводимого ими примера из ПВЛ под 862 г.: «И вста род на род, и быша в них усобицѣ», где «усобица выражает как бы единичное действие. Однако, как видится, в «Слове» в рассматриваемой фразе это «усобицѣ», хотя и стоит в ед. числе, приобретает значение множественности и протяженности во времени. В силу этого оно может переводиться множественным числом, что многие и делают. В «Слове» есть и другие примеры подобного рода. Напр., «Усобица княземъ на поганыя погыбе», где подразумеваются многолетние междоусобицы князей. А. П. Комлев уточняет: «Усобица (в данном случае в дат. п. ед. замещающем род. п., что повторяемо в "Слове" – "князю vм" "солнцю свет") означает в контексте "борьбу у себя", хотя и не всегда между своими»

2. «Ярославнынъ гласъ слышитъ». Глагол «слышитъ» в этой фразе (в Екатерининской копии – «Ярославнимъ гласъ слышитъ») является предметом спора среди исследователей. Одни считают, что нужно внести в первопечатный текст «Слова» возвратную частицу «ся», а другие убеждены, что и без нее глагол «слышить» может иметь возвратное значение и означать «слышится».

Ф. И. Буслаев первым внес возвратную частицу «ся» в своей «Исторической хрестоматии церковно-славянского и древнерусского языков», изданной в 1861 г. и предназначенной для военно-учебных заведений. Его поддержали Е. В. Барсов. А. А. Потебня, А. С. Орлов, И. А. Новиков, Д. С. Лихачев и др. Свою точку зрения не все они аргументировали, полагая само

собой разумеющимся наличие во фразе глагола в возвратной форме: «ся слышитъ».

Многие исследователи, однако, выступили против конъектуры, объяснив свою позицию ссылками на грамматику древнерусского языка. По их мнению, глагол «слышитъ» в рассматриваемой фразе имел возвратную функцию даже без частицы «ся».

Так, акад. С. П. Обнорский отмечал в 1946 г., что «правилен, согласуясь с нормами старого языка, глагол слышит в значении возвратного глагола во фразе – “Ярославнынъ гласъ слышитъ”», и пояснял далее, что «встречаются отдельные случаи употребления глаголов без “ся” вместо соответствующих возвратных глаголов»[36]. Свое мнение С. П. Обнорский иллюстрировал только примерами из самого «Слова о полку Игореве».

Противоречивую позицию занял здесь Л. А. Булаховский.

С одной стороны, он заявлял, что «“слышитъ” в значении слышится не противоречит духу древнерусского употребления» и что примеров нельзя привести, так как слышатися вообще для древнерусской письменности, по крайней мере – насколько можно судить по «Материалам» Срезневского – редкое слово. Он приводит только один пример из «Жития Феодосия Печерского»: «Іакоже те пишеть вь отьчьскыихъ кънигахъ...», где «пишеть» употреблено в значении «пишется».

С другой стороны, по его мнению, «пока, однако прямых свидетельств в пользу “слышитъ” в значении “слышится” не приведено, конъектуру “ся слышитъ” решительно отвергать, все-таки, не следует. Она тем более допустима, что предполагаемое -СЯ приходится на положение между двумя “с” (гласъ и слышитъ), где опущение короткого служебного слова – частицы – вполне в духе старинных письменных обыкновений»

Так же думает и Б. М. Гаспаров. «В данном случае, – пишет он, пропущено возвратное местоимение (вм.: гласъ ся слышитъ). Механизм пропуска: ...устранение стечения двух С, позволяющее одновременно подчеркнуть наличие энфонической связи (консонантной группы АС–СЛ) между полнозначными словами»[38] Выходит, что автор «Слова» опустил частицу «ся» для благозвучия и нет якобы никакой ошибки восстановить ее в первопечатном тексте. Б. М. Гаспаров не приводит, к сожале-

нию, никаких примеров из других памятников древнерусской письменности для обоснования своей точки зрения.

В 1965 г. против конъектуры кратко и определенно высказался В. И. Стеллецкий. «"Слышитъ" имеет значение, — пишет он, — не только "слышит" но и "слышится" следовательно конъектура — введение в текст частицы "ся" — не нужна» Его поддержал А. К. Югов: «Ся отсутствует в древнерусском тексте "Слова" Некоторые текстологи считают его здесь необходимым, несмотря на то, что в древнерусском языке сплошь и рядом возвратная форма глаголов возможна и без этой возвратной глагольной частицы»[40].

Высказались и известные специалисты по древнерусскому языку Н. А. Мещерский и А. А. Бурыкин. Они тоже считают, что «в древнерусском языке глагол "слышати" без возвратной частицы мог иметь значение "слышаться"»[41].

Обращение к древнерусской письменности показывает, что победа в этом споре должна принадлежать противникам вмешательства исследователей в первопечатный текст «Слова».

Во второй половине XII в., т. е. в эпоху создания «Слова», русский язык переживал переходный период от общеславянской системы возвратных конструкций к собственно древнерусской системе.

Для письменности переходного периода характерно выпадение из употребления возвратной частицы «СИ» и замену ее на «СЯ», а также наличие самых разнообразных форм возвратных глаголов: без частицы «ся», с частицей «ся» перед глаголом, т. е. в препозиции, с частицей «ся» после глагола, т. е. в постпозиции, с одной частицей «ся» на два глагола, с двумя частицами «ся» на один глагол, а также полный параллелизм возвратных и невозвратных глаголов.

Важно то, что все эти формы представлены в «Слове о полку Игореве».

а) Без частицы «ся». В «Слове» таких два примера:

— «Ярославнынъ гласъ слышитъ» и

— «Древо стугою къ земли пръклонило».

Из других источников можно привести фразу: «Аще къторый роусинъ или немчинъ противити всхочеть сеи правде...»[12] Эта

форма постепенно исчезает, поскольку такой способ образования возвратных глаголов оказался непродуктивным.

б) С частицей «ся» в препозиции. В «Слове» таких случаев четыре:

– «Тьмою ся поволокоста» и др.

В XII–XIII вв., как установил А. А. Зализняк, препозиция «ся» сохраняется только в том случае, если предложение начинается с местоимения. Напр., «А от мене ся ему поклони» (Ипат. летопись под 1152 г.).

В более позднее время частица «ся» встречается только примыкающей к существительному: «Кр(с)тови ся кланяють» (Пролог Лобковский, 1262 г.). К этому же времени относится и создание «Слова о полку Игореве».

в) С частицей «ся» в постпозиции – как отдельно от глагола, так и слитно с ним. Таких случаев в «Слове» большинство.

А. А. Зализняк отмечает, что если судить по ранним берестяным и пергаментным грамотам и Русской Правде, то в целом общее число случаев препозиций и постпозиций «ся» примерно равнозначно, но с течением времени количество постпозиций возрастает, а затем идет и полное сращение «ся» с глаголом. Такая же тенденция наблюдается и в «Слове о полку Игореве»[43]

г) С одной частицей «ся» на два глагола в одной фразе. В «Слове» два таких случая:

> «два солнца помѣркоста, оба багряная столпа погасоста и... тъмою ся поволокоста» и
>
> «по руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и в морѣ погрузиста».

В древнерусской письменности такие примеры тоже не редки. Напр., «Начаста ся коротати и бити» (Житие Нифонта Констанцкого).

Однако, как отмечают исследователи, такая ситуация, при которой одна частица «обслуживает» два разных глагола, является совершенно уникальной в словообразовательной системе древнерусского языка[44], хотя в принципе восточнославянская традиция допускает «употребление при стечении двух возврат-

ных глаголов в одном предложении только один раз частицу "ся"»[45]

С. П. Обнорский писал по этому поводу: «В тексте "тьмою ся поволокоста" и "в море погрузиста", думаю, нет надобности вставлять -СЯ перед погрузиста, как делает это большинство комментаторов: -СЯ здесь одинаково тяготеет к обоим глаголам-сказуемым слитного предложения и не нуждается поэтому в том, чтобы быть повторенным»[46]

Здесь – открытое выступление против еще одной конъектуры в «Слове о полку Игореве» – против добавления частицы «ся» перед глаголом «погрузиста».

д) С двумя частицами «ся» на один глагол. В «Слове» – один пример:

– «вежи ся половецкие подвизашася».

Б. М. Гаспаров решил, что здесь ошибка и что «эта ошибка спровоцирована тесным эвфоническим взаимодействием слов "вежи ся" и "подвизашася" Наличие "ся" после слова "вежи" вызвало постановку "-ся" после эвфонически связанного с ним подвизаша»[17]

Однако такие примеры есть и в других древнерусских источниках: «ся приближили ся къ нему» (Чудеса св. архиерея христова Николы); «тако ся моучать ся на вѣкы» (Устав Судийский XII в.) и др.

Повторение «ся» при одном глаголе, как полагают исследователи, является выражением тенденции к поствербальному закреплению возвратного элемента, образуя своеобразный мостик между древними и новыми конструкциями[48].

е) Полный параллелизм возвратных и невозвратных глаголов. В «Слове»:

– «Древо стугою преклонилось» и

– «Древо стугою прѣклонило».

В древнерусских источниках такие примеры тоже имеются:

«Ни ты еси заблудила ни ты пути ищеши» (Пролог Лобковский);

«Изиде в нощь ис келия своея въ в пустыню и заблоудивъ ся» (Пролог Лобковский).

Все приведенные примеры показывают, что «Слово о полку Игореве» является классическим письменным памятником переходного периода, в котором наблюдается употребление всех форм образования возвратных глаголов.

Все случаи употребления возвратных глаголов в «Слове» соответствуют своему времени и грамматически вполне корректны.

Следовательно, фраза «Ярославнынъ глас слышитъ» выражает возвратность и не нуждается во внесении в нее конъектуры. В данном контексте глагол «слышитъ» даже без возвратной частицы имеет значение «слышится».

3. «Ярославнынъ» или «ярославнымъ»? Е. В. Барсов высказал мысль, что в утраченной рукописи фраза «Ярославнынъ гласъ слышитъ» имела другое написание: «Ярославны мь гласъ ся слышить». По его мнению, частица «мь» была не окончанием слова «Ярославны», а самостоятельным словом, которое должно было читаться как «ми» по типу «что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями?», потому что плач Ярославны слышал якобы не Игорь, а автор «Слова» [49]

Это мнение поддержал И. А. Новиков, полагая, что «сама форма плача Ярославны, если бы слышался он Игорю, была бы, вероятно, несколько иная, с прямым обращением к мужу»

Однако предположение Барсова-Новикова не нашло поддержки среди исследователей.

Дело в том, что между «ми», предлагаемой Е. В. Барсовым, и «ми» из фразы «что ми шумить, что ми звенить...» существует большая разница.

«Ми» Е. В. Барсова представляет собой дательный падеж личного местоимения «я» («азъ»), но что касается фразы «что ми шумить, что ми звенить...», то «здесь, — как пишет Г. О. Винокур, "ми" не нужно понимать как дательный падеж. "Ми" здесь — частица того человека, который говорит. Это связано с лиричностью "Слова"»

Во фразе «что ми шумить, что ми звенить...», — считает А. А. Алексеев, «ми» является усилительно-выделительной частицей (Dativus ethicus) [52], по типу: «Ох уж эти мне ребята!».

Любопытно, что В. Л. Виноградова в своем «Словаре-справочнике “Слова о полку Игореве”» посчитала «ми» из фразы «что ми шумить, что ми звенить...» личным местоимением 1-го л. ед. ч. однако впоследствии признала общепринятую точку зрения.

Так опровергается предложение Барсова-Новикова.

Первопечатная фраза «Ярославнынъ гласъ слышитъ» не нуждается в каких-либо исправлениях.

4. Новое разделение фразы «Ярославнынъ гласъ слышитъ».

Художник Б. И. Крылов, подготовивший к изданию проиллюстрированное им самим «Слово о полку Игореве», предлагает по-новому разделить рассматриваемый первопечатный текст.

Для начала он считает целесообразным конец предыдущей фразы – «на Дунаи» – присоединить к рассматриваемой фразе. В результате получается чтение вроде бы более соответствующее логике повествования: «На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ».

Против такого предложения, кажется, и нет особых возражений, поскольку никакого вмешательства в первопечатный текст не происходит, а лишь частично видоизменяется пунктуация, хотя смысл фразы становится несколько иным.

Но это не все. Б. И. Крылов предлагает далее слово «Ярославнынъ» разделить на «Ярослав» и «нынъ», а затем к слову «Ярослав» прибавить окончание «ъ» («ер»), а «ъ» («ерь») в слове «нынъ» заменить на «ѣ» («ять»).

В итоге должно получиться «На Дунаи Ярославъ нынѣ гласъ слышитъ», то есть отец слышит плач горюющей дочери В личной беседе Б. И. Крылов сказал, что его вариант поддерживали академики Б. А. Рыбаков и О. Н. Трубачев, которым он излагал свою идею.

В предложении Б. И. Крылова настораживает необходимость вмешиваться в первопечатный текст, то есть вводить в него дополнительную букву.

Можно еще согласиться с тем, что «ѣ» («ять») вместо «ъ» («еръ») на конце новообразованного слова нынѣ объясняется

неправильно прочитанной буквой со стороны первых издателей из-за нечеткого написания ее в утраченной рукописи «Слова о полку Игореве». Однако трудно объяснить откуда и как появилась буква «ъ» («еръ») на конце новообразованного слова «Ярославъ».

Без четкого обоснования этого механизма вся конъектура представляется неприемлемой.

Кроме того, вся предлагаемая новая фраза «На Дунаи Ярославъ нынѣ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемъ рано кычетъ» – получается плохо внутренне согласованной.

* * *

Таким образом, все рассмотренные выше попытки внести изменения в первопечатный текст «Слова о полку Игореве» находят опровержения при внимательном ознакомлении с грамматикой древнерусского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Буйначев В. П.* Слово о полку Игореве». Новое прочтение: Автор известен. М.: Книжный сад, 1998. С. 122.

[2] *Творогов О. В.* Комментарии к «Слову о полку Игореве» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 (XII век). СПб., 1997. С. 628.

[3] *Лихачев Д. С.* Против дилетантизма в изучении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 195.

[4] *Никитин А. Л.* «Слово о полку Игореве»: Тексты. События. Люди. М.: Интерграф сервис, 1998. С. 361.

Корш Ф. Е., акад. Рецензия: Слово о полку Игоря, издано для учащихся Николаемъ Тихонравовымъ. Москва, 1866 // Московския университетския извѣстия, 1866, 1877. № 2. М., 1866. С. 168–169.

[6] *Ходасевич В. Ф.* Слово о полку Игореве // Современные записки № 31. Париж, 1927. (Цит. по: Русская литература № 1. М., 1989. С. 101.)

[7] *Булаховский Л. А.* О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве» // Известия АН СССР Отд. лит-ры и языка. Т. 9. Вып. 5, сентябрь-октябрь. М., 1952. С. 439, 440.

[8] *Еремин И. П.* Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л., 1987. С. 106.

[9] Репринтная копия 1-го изд. «Слова о полку Игореве». М., 1800. С. 3.

Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древне-русского языков. М., 1861. Стб. 591; Слово о полку Игореве. Издано для учащихся Николаемъ Тихонравовымъ. М., 1866. С. 1.

[11] *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игоревѣ» какъ художественный памятникъ Киевской дружинной Руси. Т. I. М., 1883. С. 89.

[12] *Дмитриев Л. А.* и *Творогов О. В.* Примечания // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 471 (Биб-ка поэта. Бол. серия. 2-е изд.).

[13] *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 163–173.

[14] *Булаховский Л. А.* «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // Слово о полку Игореве. Сб. статей. М.; Л., 1950. С. 131.

[15] *Перетц В. Н.* «Слово о полку Ігоревім» — пам'ятка феодальної України — Русі XII віку. У Києві. 1926. С. 138.

[16] *Булаховский Л. А.* «Слово о полку Игореве» как памятник... С. 160.

[17] Там же. С. 138 (Примеч. 2).

[18] *Андрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII веков. Л., 1968. С. 53.

[19] *Кусков В. В.* Поэтическая фразеология «Изборника» 1076 г. // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 59.

Булаховский Л. А. О первоначальном тексте «Слова...». С. 439.

[21] *Дмитриев Л. А., Творогов О. В.* Примечания... С. 471.

Дмитриев Л. А., Творогов О. В. Комментарии // Слово о полку Игореве. М.: Худ. литература, 1987. С. 320.

[23] *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Проблема критического текста «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 94.

[24] *Комлев А. П.* Некоторые пояснения в защиту текста первого издания «Слова о полку Игореве» // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве». Мат-лы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 2000. С. 78.

Головенченко Ф. М. Слово о полку Игореве: Библиографический очерк / Пер., пояснения к тексту и переводу // Учен. зап. Московского Педагогического института им. В. И. Ленина. Вып. 198. М., 1963. С. 268.

Мещерский Н. А., Бурыкин А. А. Комментарии Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 442–443. (Биб-ка поэта. Бол. серия. Изд. 3-е).

[27] *Косоруков А. А.* Перевод. Слово о походе Игоря, Игоря сына Святославова, внука Олегова // Храбрые русичи / Сост. Е. И. Озеров и В. И. Калугин. М., 1986. С. 69; *Он же.* Гений без имени. М., 1986. С. 16–17.

[28] *Кожевников Виктор.* «Игореви князю Богъ путь кажетъ...» Москва. № 12. 2000. С. 211–212.

Косоруков А. А. «Слово о полку Игореве» или Каяльский урок русской истории // Древнерусская литература: В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М., 2000. С. 94.

[30] *Прокофьев Н. И.* Повесть о походе Игоря на половцев // Преданья старины глубокой. Антология памятников литературы. М., 1997. С. 253.

[31] *Шайкин А. А.* «Се повѣсти времьяньных лет...»: От Кия до Мономаха. М., 1989. С. 84.

[32] *Дылевский Н. М.* Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // Слово о полку Игореве – памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 233.

[33] Слово о полку Игореве. М.: Худож. лит-ра, 1954. С. 3.

[34] *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 152; *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и памятники... С. 53.

[35] *Комлев А. П.* Некоторые пояснения... С. 79.

Обнорский С. П. Очерки по истории... С. 163.

Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник... С. 154, 155.

[38] *Гаспаров Б.* Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000. С. 248.

Стеллецкий В. И. Примечания // Слово о полку Игореве. М.: Просвещение, 1965. С. 195.

[40] *Югов А. К.* Пояснения к переводу // Слово о полку Игореве. М.: Моск. рабочий, 1970. С. 198.

[41] *Мещерский Н. А., Бурыкин А. А.* Примечания // Слово о полку Игореве. Л., 1985. С. 447. (Биб-ка поэта. Бол. серия. Изд. 3-е).

[42] Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995. С. 492.

[43] *Зализняк А. А.* Лингвистические исследования и словоуказатель // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 295–296.

[44] Древнерусская грамматика... С. 472.

Гумецкая Л. Л. Глагольный постфикс -СЯ в украинском языке // Восточные славяне: Язык, история, культура. М., 1985. С. 127.

[46] *Обнорский С. П.* Очерки по истории... С. 155.

[47] *Гаспаров Б.* Поэтика «Слова...»... С. 424.

[48] *Зализняк А. А.* Лингвистические исследования... С. 293.

[49] *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» какъ художественный памятникъ Киевской дружинной Руси. Т. 2. М., 1885. С. 271.

Новиков Иван. Пояснения // Слово о полку Игореве. М.: Худ. литература, 1938. С. 118.

[51] *Винокур Г. О.* К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1998. С. 102.

Алексеев А. А. «Dativus ethicus» в «Слове о полку Игореве» // Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян. М., 1991. С. 5.

[53] Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. Вып. I. (А–Г). М.; Л. С. 35.

[54] *Виноградова В. Л.* К лексически-семантическим параллелям «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М., 1988. С. 152.

Крылов Б. И. «Слово о полку Игореве» (взгляд художника) Историческая газета. № 3. М., март 2000. С. 10–11.